

ЕСТЬ В РОССИИ...

1

Однажды в начале лета в доме моем раздался телефонный звонок. Взяв трубку, услышал я голос товарища своего, ленинградского поэта Антонина Чистякова:

— Обращаюсь к тебе от имени Федора Александровича Абрамова с просьбой, — проговорил Антонин, поздоровавшись. — Не можешь ли ты покатать нас с Федором Александровичем на своем «Москвиче» по Лужскому району и Новгородчине? Недельку хотя бы. Понимаешь, задумали мы с ним написать в соавторстве неторопливый очерк о землях Нечерноземья, а если получится, то и серию очерков, — пояснил Антонин. — Название для первого очерка, которое и тему его определяет, уже имеется: «Пашня живая и мертвая». Темы других очерков обсудим в пути. Федор Александрович предлагает еще что-нибудь о красоте написать.

— О какой красоте? — не понял я.

— Ну, вообще... Которая человека окружает или окружать должна, которая настрой ему хороший создает, жить помогает веселее, с радостью. Но об этом позже. Как ты в принципе к просьбе Абрамова и моей относишься? Мне кажется, что такая поездка и для тебя небезынтересной будет. Строгого маршрута мы не выбираем, будем ориентироваться по обстановке и по настроению, но конечная цель пути — моя деревня Жуково в Боровичском районе, ты ее знаешь. В очерке отталкиваться начнем от угора, на котором изба прародителей моих стоит. Ну так как? Выкроишь недельку?

— Недельку, пожалуй, смогу.

— Тогда договорились. Приезжаем с Абрамовым в Лугу в

следующий понедельник.

2

С писателем Абрамовым познакомился я в доме творчества «Комарово». В ту пору учился я заочно в Литературном институте, и комиссия по работе с молодыми авторами при Ленинградской писательской организации нет-нет да и подбрасывала заочникам литинститутовцам бесплатные путевки (только зимой) в писательский дом. В «Комарово» соседом моим оказался невысокого роста человек, коренастый, заметно прихрамывающий, с неприветливым выражением лица. Даже сталкиваясь с ним в коридорных дверях, я не решался кивнуть ему или поздороваться — так холодно и отчужденно смотрели на меня из-под крутых надбровных дуг затененные, без блеска, глаза. Упрямо вздернутый подбородок и жесткая линия губ придавали лицу моего соседа выражение какой-то прокурорской строгости. Однажды за завтраком хмурый сосед подошел к нашему столику и, обращаясь ко мне, спросил:

92

— То само, юноша, это вы живете рядом со мной?

— Я.

— Могли бы вы, юноша («юноша» у него звучало примерно как «козел»), не стучать машинкой спозаранку?

— Могу конечно. — Я растерялся от неожиданного вопроса. — А когда можно стучать?

— Ну, то само, хотя бы с восьми часов.

— Хорошо.

— Капризничает классик, — произнес чей-то голос, едва сосед мой отошел от стола, — видать, роман застопорился. Он сейчас над третьей книгой работает.

— Кто это? — спросил я.

— Федор Абрамов, — последовал ответ.

По вечерам в доме творчества писатели играли в бильярд. В просторной комнате с высоким потолком стояло два бильярдных стола. Писатели, как правило, предпочитали играть на малом столе, большой пустовал. После ужина я заходил в бильярдную комнату и, пристроившись на стуле где-нибудь в укромном уголке, наблюдал за игрой. Вернее, за играющими. Одним из завсегдатаев бильярдной был

Федор Александрович Абрамов. В свое время мне доводилось увлекаться игрой на бильярде, и тогда, наблюдая игру необщительного своего соседа, я с уверенностью определил: Абрамов далеко не мастер бильярдной игры, хотя большинство партий у своих партнеров выигрывает. Кий писатель держал неумело, плотно зажав его в кулаке, словно топориче плотницкого топора. И прицеливался по шару опять же не как стрелок по принципу «прицел — мушка», а как-то сбоку, словно намечал на бревне линию стеса. По шару не бил, а легонько тюкал. И оттого шары у него в лузу не «ложились», как принято говорить у бильярдистов, а мягко падали без всякого эффекта. Казалось даже, что соседу моему просто-напросто везет и в лузу заходят случайные шары.

Как-то раз заглянув в бильярдную комнату, я увидел Абрамова, в одиночестве гонящего шары по зеленому сукну стола.

— То само, юноша, партию? — предложил Федор Александрович.

— Можно.

Очень быстро я повел в счете, и скоро сосед проигрывал мне пять «сухих» шаров. Федор Александрович нахмурился, помрачнел, принялся подолгу размышлять над каждым шаром, хромать вокруг стола круг за кругом. По всему было видно, что самолюбие писателя всерьез задето. Размочив наконец счет, он повеселел, пробормотал удовлетворенно: «Знаем мы, то само, как вы в шашки не играете». И тут же вкатил в лузу второй шар. Затем принялся играть с большей еще осторожностью, избегая всяких рискованных ударов, после которых могла возникнуть для меня «подставка». Такая манера игры стала выводить меня из равновесия, я все чаще и чаще промахивался и с трудом сдерживался, чтобы не спросить: «Федор Александрович, уж не корову ли вы проигрываете?» А Федор Александрович, не меняя тактики игры, понемногу догонял меня, приговаривая: «Знаем мы, то само, как вы в шашки не играете...»

Понемногу я пообвык в доме творчества, втянулся в работу. Сидел целыми днями взаперти в писательской келье, стучал на машинке. Памятуя просьбу соседа, печатать начинал ровно в восемь часов утра. В это время Абрамов выходил на улицу делать зарядку. Из окна номера я видел, как он в старомодном лыжном костюме неумело разминается в заслеженном саду: размахивает руками, наклоняется, приседает. Потом тяжело, грузно припадая на ногу, бежит по наезженной дороге в сосновый бор. Видел я его и уходящим в лес на лыжах или возвращающимся из леса. У меня создалось впечатление, что Абрамов занимается активными физическими упражнениями отнюдь не из любви к спорту, а скорее из необходимости разогнать застоявшуюся кровь. Когда сосед мой пишет, я не знал. Стука пишущей машинки за стеной

не слышал ни разу. При встрече Федор Абрамов по-прежнему смотрел на меня хмуро, на приветствие отвечал едва заметным кивком головы, но все чаще предлагал сразиться с ним на бильярде. Играл я с ним всегда в полную силу, никаких поблажек в игре партнеру своему не давал (даже кий мы выбирали жребием), но словесное общение писателя со мной в процессе игры не шло дальше одной его фразы: «Знаем мы, то само, как вы в шашки не играете». Только раз Федор Александрович вдруг поинтересовался:

— В Ленинграде живете?

— Нет, в Луге.

— Как сюда, в дом творчества, попали?

— От комиссии по работе с молодыми авторами. В Литинституте учусь заочно, вот предложили поехать...

Писатель уколол меня быстрым взглядом, как бы прикидывая мою «молодость», спросил:

— Работаете где?

— В заготконторе сейчас работаю. Грузчиком.

— Грузчиком? — с едва проклюнувшимся интересом переспросил писатель. — Живете не в Ленинграде, учитесь в Литинституте, работаете грузчиком. О! Может, и пишете еще? — по лицу Федора Александровича скользнула едва уловимая усмешка.

— Пишу.

— И что, всю жизнь работаете в заготконторе?

— Да нет, третий год. Военное училище кончал, в армии долго служил, в газете работал.

После этих слов писатель окончательно потерял ко мне интерес и, сдавая партию, молчал, поигрывая желваками скул.

Кончался срок моего пребывания в писательской келье. Покидая дом творчества, я столкнулся в вестибюле с Федором Абрамовым.

— До свидания, Федор Александрович, — попрощался я, — уезжаю.

— Уже? — удивился писатель. — С кем же я теперь в бильярд играть буду? Ну, то само, счастливо, — проговорил он с неожиданной приветливостью в голосе и вдруг спросил: — Антонин Чистяков ваш

приятель?

— Мой товарищ.

— Давно его знаете?

— Несколько лет.

— Что можете сказать о нем?

— Что сказать? — не понял я.

— Ну, то само, порядочный он мужик? Элементарно?

— Порядочный. По крайней мере, я его знаю только таким.

— Счастливо! — повторил Федор Александрович и, резко повернувшись, захромал по лестнице вверх.

3

Когда я пишу эти строки, ни Федора Абрамова, ни Антонина Чистякова, увы, уже нет в живых. И если трагическую гибель Антонина Чистякова перенес я как личную утрату близкого человека, то смерть Федора Александровича Абрамова ударила в сердце опустошающе, как невозвратимая утрата для всей русской писательской культуры. Такую боль я испытывал только после смерти Николая Рубцова, Василия Шукшина, Владимира Высоцкого.

В отличие от прозаика Федора Абрамова, имя ленинградского поэта Антонина Чистякова не пользовалось столь широкой известностью. Многие читатели впервые познакомились с Чистяковым, прочитав остропублицистические очерки «Пашня живая и мертвая», «От этих весей Русь пошла...» — все, что успели Федор Абрамов и Антонин Чистяков сделать совместно в публицистике. Вот почему, прежде чем продолжить рассказ о встрече с писателями на лужской земле, хочу я коротко познакомить читателей с Антонином Чистяковым.

Антонин Федорович Чистяков был всего на пять лет младше Федора Александровича Абрамова. Родился он в деревне Сушилово Боровичского района Новгородчины. В деревне Жуково, что в полукилометре от Кончанского-Суворовского и куда намечен наш писательский маршрут, проживала его мать Дарья Степановна. В 1931 году, когда Антонину исполнилось шесть лет, Дарья Степановна умерла. Отец ушел на заработки, оставив малолетнего сына на попечение родственников. Мне довелось немало поколесить по Новгородчине с Антонином Чистяковым, не раз бывал я в его крошечной избенке в деревне Жуково, заночевывали мы с ним и у его

старых теток в Боровичах. Помню, его тетя Ната рассказывала о том, как выжил Антонин в те трудные годы. Он приходил на нетвердых еще ножках в дом одной из своих теток, в котором и без него хватало голодных детских ртов, и жил в этом доме два-три месяца. Потом уходил к другой тетке. Его никогда не выгоняли, не намекали на «пора», он всегда уходил сам. Он знал уже, когда надо уходить. Тетя Ната говорила, что именно эта недетская проникательность и понимание жизни ребенком Антонином поражали в ту пору всех ее сестер.

И еще запомнился мне один эпизод из биографии Антонина Чистякова, услышанный от тети Наты. Позднее я слышал о нем от многих родственников Антонина. Это произошло в начале сорок третьего года, накануне прорыва блокады Ленинграда. Семнадцатилетний рядовой Антонин Чистяков, призванный в армию со школьной скамьи, совершив лыжный марш в строю новобранцев по Ладожскому озеру, входил в заснеженный малолюдный Ленинград. И вдруг из встречной колонны изможденных людей кто-то крикнул: «Антонин!» Это был Павел Ефимов, двоюродный брат Чистякова, один из тех его братьев, мать которого привечала Антонина в своем доме в детстве. Не пришедший еще в себя от лыжного перехода, ослепший от света ладожских прожекторов, Антонин Чистяков все же узнал брата. Успел на ходу развязать мешок и бросил в руки Павла буханку хлеба — весь свой многодневный блокадный «НЗ». Потом Павел Ефимов говорил, что та буханка Антонина спасла ему жизнь.

После войны Антонин Чистяков закончил Новгородский педагогический институт учителем в Боровичах и Тосно. Затем окончил филологический факультет Ленинградского университета, работал в калининской газете «Смена», в «Новгородской правде». В Ленинграде стал жить постоянно с 1969 года.

В разные годы у Антонина Чистякова вышли в свет девять сборников стихов. Первый сборник — «Край мой Новгородский» — появился в 1955 году. Последний вышел в Москве уже посмертно. Что можно сказать о стихах Чистякова? Вообще что-то говорить о стихах? Стихи надо читать. Кому-то они лягут, кому-то не лягут, на то они и стихи. Доводилось мне видеть плачущих рабочих лужской трикотажной фабрики, где частенько выступал Чистяков и часто видел я и зевающих студентов на занятиях литературного объединения Ленинградского университета, где Антонин читал те же стихи.

Мое знакомство с Антонином Чистяковым состоялось в Москве в Литературном институте имени Горького на первой — установочной — сессии заочного отделения. Жена Наталья. По характеру Антонин Чистяков был исключительно сдержанный и тактичный человек. И молчаливый. С ним хорошо было разговаривать, не мешало наблюдать, размышлять, любоваться. Но на характере иногда раздражала меня: безответность. С одинаковой бесцеремонностью сносил он и замечания хмельного швейцара, и брюзжачьи критика, и нравоучения собственной жены. На любое проявление неуважения, направленное против него, Антонин Федорович отвечал всегда философским прерывистым вздохом: «О-хо-хо, хо-хо!»

4

В Литературном институте многие свои контрольные и курсовые работы по литературе выполнял я по произведениям Федора Абрамова. Творчество Абрамова знал — не побоюсь слова — превосходно. Порой мне казалось, что детство прожито в деревушке Раковичи, что в десяти километрах от Луги, а в деревне Пекрасавицы Пинегы. Бывая в своей деревне, я иногда путаю знакомых с героями абрамовскими братьями и сестрами. Так похожи мои деревенские герои абрамовских романов и повестей.

Помнится, написал я и отослал в Литинститут контрольную работу по «Пелагее». О «Пелагее» тогда в газетах и журналах появлялось немало. Многие из них меня не удовлетворяли. Сводились они в основном к тому, что Пелагея ли не напрасно прожила свою жизнь — без любви, без радости, приспосабливаясь и угождая перед такими людьми, как малограмотный ревизор Петр Игнатьев. Однако ж, умеет любому задать науку, как задал Пелагее, — насчитать недостатки или не насчитать. Что вся жизнь Пелагеи была подчинена тряпкам, которые дочь ее Алька после материнной смерти разбазарила. В результате, мол, закономерный финал: всеми покинутая Пелагея умирает.

Ох как не согласен я был с подобной односторонней трактовкой сложной судьбы. Да я ли один?

Как-то в городской нашей лужской библиотеке состоялась читательская конференция по абрамовской «Пелагее». Присутствовал на этой конференции и профессор из Ленинграда — румяная пухленькая дамочка лет тридцати пяти, вся в оборочках. И при ней здоровенный неопределенных лет товарищ приличный, похожий на нашего заготконторского конюха — возчика Петю Квашню. Он, друг мой, приятель, то ли тоже критик. Много разных мнений по повести Абрама выказано было на той конференции читателями и критиком. Критик из Ленинграда наскакивала, все простить ей не могла, что та из колхоза на пекарню с куском хлеба честь свою женскую в грязь втоптала, мужнюю любовь нравственно себя опустошила.

После выступления критика поднялся из конференц-читательских рядов мужчина и принялся так говорить:

— Как мы знаем, товарищи, одной из главных задач нашей литературы — запечатлеть время, в котором мы живем, нашу действительность. Каждый стремится выполнить эту задачу, но не каждому удастся сделать это правильно. Одному таланта не хватает, другому — гражданской и писательской ответственности. Просто-напросто жизни не знает, а порой и знать ее не хочет. Федор Абрамов — тот самый писатель, произведения которого потомки наши нелегко должны наше изучать будут, людей его. Тех самых людей, которые войну миро-

послевоенные годы.

Образ Пелагеи считаю большой удачей автора. Абрамовская Пелагея не запрограммированный робот, лишенный каких-либо недостатков, а живая женщина. Понятно, что война и голодные послевоенные годы, когда на руках у нее могли не отметить Пелагею своей печаткой. Хлеб для нее стал символом благополучия и счастья ее детей. Но символом не только для живота, приносящим радость и удовлетворение. Вот почему, на мой взгляд, так тянула ее к пекарне, где работать было совсем не легче, чем колхозной дояркой. Допустила она до своего тела Олешу-рабочкома. Подчеркиваю: до тела. Молодой критик уверяет здесь молодой критик. Для Пелагеи Олеша был просто грязным рабочим, который ежедневно месила утром и вечером голыми ногами. И она изгнала эту грязь из бани двумя вениками.

Молодой критик уверяет нас, что тяга к хлебу лишила Пелагею всех радостей жизни. Прощу прощения, но и здесь не согласен. Самые светлые минуты Пелагеи связаны именно с пекарней, с трудом, хотя этот труд возле раскаленного кирпича сгорают от жара, отобрал от нее здоровье и саму жизнь. Помню, как шла в пекарню как на праздник, с музыкой в душе. А как радовалась от запаха хлеба, как гордилась своим трудом!

Или вспомним другой эпизод, когда Пелагея две недели днем и ночью ухаживала за больным мужем (дай бог каждому такую жену), а потом пришла на пекарню и почувствовала хлебный дух. Ведь она плакала от радости и, прошу прощения, от счастья. А как иначе назвать эти слезы, этот порыв души? Не многие и сейчас могут похвастаться, что плакали подобными слезами. Как можно утверждать, что Пелагея прожила жизнь без радости. Она умела радоваться и удаче своей красоте своей дочери Альки, и красоте природы. Позвольте процитировать несколько строчек из повести.

Мужчина достал из кармана очки, пристроил их на носу и, взяв в руки книгу, неторопливо, с чувством читать:

— *«Река встретила Пелагею ласково, по-матерински. Оводов уже не было. Зато ласточек-береговушек было полно. Низко, над самой водой, резвилась»*

Остановившись на утоптанной тропке возле травяного увала, Пелагея наблюдала за их игрой, потом торопливо потрусилась к спуску: у нее появилось озорное, совсем не по возрасту желание сбросить с ног ботинки и побродить возле берега, подошвами голых ног поласкать песчаный накат у дровяных

Книголюб кончил читать, приподнял очки и оглядел собравшихся малюток детскими глазками, как бы спрашивая: «Кто еще решится утверждать, что Пелагея не радовалась жизни?»

— Вы делаете упор на положительные черты характера Пелагеи, — возразил кто-то. — Давайте поговорим об отрицательных. Мне кажется, автор не случайно закончил грустный финал человеческой жизни: смерть в одиночестве. Это символ того, кто прошла по жизни своей узкой тропкой, сторонясь людей, украдкой таща для поросенка, приспособливаясь к мелким людишкам и обстоятельствам. Стремилась она? К накопительству. Даже дочь Алька не принимала ее как мать.

— Эх, милая девушка, — вздохнул читатель. — Финал человеческой жизни выразились, увы, всегда грустен. Ее, костлявую с косою, человек встретил в одиночестве. Вот у меня прекрасные дети, внуки уже, друзья, но когда закроется дверь, а этот стук я слышал уже дважды, я одинок. Поверьте мне. Давайте акцентировать внимания на этих грустных минутах, которые определены для каждого. Ведь мы же с вами оптимисты, жизнелюбы, какой была и Пелагея.

94

Потом книголюб много еще хорошего говорил о Пелагее. О том, как постепенно душа ее от голодных послевоенных лет и как с удивлением открывала она для себя, в котором человек не единым хлебом живет. Как даже бравый офицер-красавец, ее «мамашей» и обманувший затем Альку, не смог отпугнуть ее от людей, и решила она ехать на колхозную ферму к подругам-дояркам, от которых ушла много лет назад. Выгорающие кирпичи заменялись ежегодно, а Пелагея стояла возле раскаленного кирпича бессменно.

— Твоя Пелагея тоже хороша, — выкрикнул кто-то из зала, — нечего из нее делать нас в деревне после войны тоже была такая. В военном городке на пекарне работала кулаке держала, мироедка. И хоть бы кто слово поперек сказал.

— Повар с голоду не помирает, — вздохнул старушечий голосок. — А в бр

заложит...

После выхода новой абрамовской повести «Алька», продолжения «Пелагеи», контрольную работу, образ Пелагеи значительно прояснился. Оставила Пелагея памяти людской оставила. Простили ей люди ворованные помои для поросенка к пекарне, которую двадцать лет натаптывала Пелагея, нарекли Паладьи приезжают из города в деревню любопытные ученые люди, интересуются: поч Кто такая была Паладьа, чем знаменита?

И в памяти дочери своей Альки мать-Пелагея след-борозду оставила, свое з металась по свету Алька, как бы ни ломала ее судьба, я, как читатель, верю, что Альки прорастет, даст корни, которые помогут Альке тверже стоять на земле.

5

Федора Абрамова и Антонина Чистякова встретил я на перроне Лужского были налегке, с одними портфелями в руках, оба невысокие, коренастые и, нес несхожесть характеров, в чем-то очень похожие друг на друга.

Федор Александрович Абрамов, на мой взгляд, приехал в Лугу в неважнецк вагона и поздоровавшись, он сразу заворчал на Чистякова:

— То само, Антонин, говорил тебе: не надо рано ехать. Зачем рано приехали? ночь?

— О-хо-хо, хо-хо, — ответил Антонин позевывая.

— То само, Борис, что предлагаешь делать? — спросил меня Абрамов.

— Предлагаю уху, Федор Александрович, а там видно будет.

— А ты, Антонин?

— Уха — это хорошо, — сказал Антонин.

Уха писателям понравилась.

— Значит, такую программу предлагаю, — проговорил Федор Александр стола. — Сейчас едем по этому вот адресу, — Абрамов протянул мне бумаж было название улицы, номер дома и квартиры. — Знаешь, где это?

— Это недалеко. В новом районе у реки.

— Там моя школьная учительница живет. Хочу поведать. Потом, то само, по потом и решим.

Здесь надо сразу сказать, что в путешествии, которое совершили мы по Но Лужскому району, партнерами мы были неравноправными. Командовал па

Антонин Чистяков был у него вроде как на подхвате, я шоферил. Федор Александрович с нами советов выбирал маршруты поездок, места остановок и ночлега. Он брал деньги, задавал вопросы ответственным лицам, проверял документы, он платил. Платил в смысле этого слова. Платил за наши обеды в придорожных столовых, за продукты в магазине, и даже за бензин. Насчет бензина я было попытался возразить, но Федор решительно пресек мои возражения, заключив: «У меня, то само, много денег, конечно же, знал, что у кого много денег, тот никогда об этом не говорит». С Федором Александровичем по этому вопросу было бесполезно. Он всегда и за все расплачивался.

Первый наш выезд оказался для Федора Александровича, на мой взгляд, не самым удачным, возможно, я и ошибаюсь.

Когда мы подъехали к дому, в котором жила его школьная учительница, мне показалось, что Федор Александрович немного волнуется. Про учительницу свою он ничего нам с Антонином не сказал, только, что не видел ее с довоенных своих школьных лет. Едва «Москвич» у нужного подъезда, Абрамов проговорил, обращаясь ко мне (Антонин в это время сиденье):

— То само, Борис, проводи меня до ее дверей. Если она дома, подождите минут полчасика выйду.

— На заправку бы надо съездить, Федор Александрович. За полчаса мы с Антонином не успеем.

— Хорошо, заправляйтесь. Пошли.

Мы поднялись с Абрамовым на четвертый или пятый этаж. Нажимая кнопку звонка, Федор Александрович уже откровенно волновался, это я совершенно четко определил.

Видимо, у писателя с учительницей все же была предварительная договоренность. Абрамову долго не пришлось объяснять хозяйке, кто он и зачем пришел. Распахнув дверь, седую, статную и совсем еще не старую (как ожидал увидеть) женщину.

— Я — Федор Абрамов, — представился писатель.

Женщина молча прижала руки к груди и отступила в глубь прихожей, пропуская Федором Александровичем дверь.

Садясь за руль, я посмотрел на часы. Было девять часов тридцать минут. Толкаться было очереди...

Без трех минут десять мы с Антонином Чистяковым вернулись с заправочной станции возле подъезда, поджидая Абрамова. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, тридцать. И вдруг мы увидели его хромящим по улице откуда-то со стороны машины красный от гнева и плюхнулся на сиденье рядом со мной со словами:

— То само, это бардак! Полчаса ищу вас по всему городу! Так работать нельзя, само, не получится.

Федор Александрович завелся не на шутку. Никаких объяснений слушать не хотел и на Антонина, на что Чистяков отвечал своим обычным: «О-хо-хо, хо-хо!»

Мы уже ехали по городу, а Федор Александрович все не унимался, возмущался больше и больше. Я остановил машину, выключил мотор. Повернувшись к Абраму,

— У вас все, Федор Александрович? Тогда выслушайте, пожалуйста, меня. В такой атмосфере нам действительно ехать никуда нельзя. И вина в этом, извилинах на заправку тридцать минут, мы уложились в это время, какие у вас могут быть проблемы? Вина? В том, что вы заблудились, или в том, что у вас неважное настроение? Ваши капризы мне просто-напросто непонятны. И, в конце концов, в лакеи к вам

Я говорил, Абрамов внимательно меня слушал. Нахмуренные брови приподнимались, глаза вдруг засветились усмешливо. Мне подумалось даже о Федоре Александровиче нас с Антонином брюзжанием?

— Антонин, — Абрамов повернулся к Чистякову, — я, то само, вправду вернуться?

— О-хо-хо, хо-хо! — вздохнул Антонин. — Всегда ты, Федор, не по делу зацикливаешься.

— Ну, голова-то у тебя знамо дело отчего болит. А ты, Борис, то само, виноватый перед вами. Ты, когда я ворчу, не обращай внимания. У меня плохой характер! Знаешь что, Борис, покажи-ка ты нам с Антонином в своем городе что-нибудь показать. А после обеда поедем в район. Хочу хорошую молочную ферму посмотреть.

— Хорошо, Федор Александрович, едемте.

— Куда? — спросил Антонин.

— На Лужский абразивный завод, бывший «Красный тигель». В заводской музее

Мне показалось, что при этих словах моих Федор Александрович слегка поморщился.

6

Главу эту начинаю я исходя из того, что читатель прочитал в книге очерк «...» многое для него непонятным будет. Что за абразивный завод, какие такие еще тигели? Кто такой Иосиф Каспржик? И другие недоуменные вопросы могут возникнуть.

95

Конечно же, с моей стороны предложить Федору Абрамову посетить заводской музее (в этом музее прежде) было делом рискованным. Приехать из города музеев Ленинградский музей заводской? Тем более человеку и писателю, тяготеющему к природе и творчеству? От одного этого предложения настроение Федора Александровича вконец.

Здесь я сделаю небольшое отступление. Сразу и без обиняков скажу: сам

Лужского абразивного завода является общественный директор музея Сергей Абрамович. Приглашая писателей в заводской музей, я надеялся заинтересовать Абрамова и даже историей завода, сколько личностью Сергея Арсентьевича, старейшего производства. Лично я знаю Сергея Арсентьевича Николаева с детских еще лет. Мы, школьники, приходили экскурсиями на «Красный тигель» и слушали его рассказы. Эти вели и другие работники завода, имена которых запомнились мне на всю жизнь. Снегирев. Все они позднее и стали основателями заводского музея. Но интереснее о заводе и людях его рассказывал нам Сергей Арсентьевич. Работать на «Красный тигель» начал в двадцать седьмом году, подручным у Иосифа Каспржика. Старый мастер тигельные секреты новой власти и потому очень не любил любопытных глаз, которых взвешивал Иосиф Каспржик компоненты будущих тиглей, прикрывали оградительные щитки, чтобы не видно было гор. И стоило его подручному Сергею Каспржику снять оградительные щитки, как он тут же получал от мастера увесистый щелчок по лбу.

Особенно любили мы, мальчишки, слушать рассказ Сергея Арсентьевича о вредителе в тигельном цеху. Замечать стали с некоторых пор, что при обжиге тиглей в разных местах бугорками. А во время плавки металла в таких тиглях они давали заводу думать: отчего такое происходит? И к такому выводу пришли: вредитель в заготовках тиглей установить круглосуточное наблюдение. Пробили в стене дырку, чтобы наблюдать. И вот однажды такую картину видят. Вышел из формовочного цеха, огляделся, а потом — в сырой тигель сунул обгорелую спичку и конец ее обмазал массой замазал. Нетрудно представить, что с таким тиглем далее произойдет: металл, спичка выгорит. Схватили вредителя.

И еще любили мы слушать рассказ Сергея Арсентьевича о том, как прекратил существование в Ленинграде, не выдержав конкуренции с лужскими тиглями, концессионный завод.

В заключение своих рассказов Сергей Арсентьевич выделял всегда самым важным по паре досок от бочек из-под графита. Доски эти славились у мальчишек как самоделные лыжи. Половина лужских послевоенных мальчишек, в том числе и «николаевских» лыжах.

Позднее нас сдружил с Сергеем Арсентьевичем лес. Мастер знал «лесной секрет» и выпытать у него много лет. Не выходя в лес, Сергей Арсентьевич всегда знал там-то вышел слой белых, там-то появился белый груздь. Это «там-то» находилось в сотню верст от города. Приходилось в час ночи садиться на псковский поезд, ехать на разъезде и еще ровно три часа в темноте шагать по невидимой тропе. А потом выкапывать землю и укладывать в нее белые грибы. Бери столько, сколько сможешь донести до нас с Сергеем Арсентьевичем не было грибной осечки. На все мои мольбы о «секрете» мастер лишь посмеивался. И только тогда, когда работал уже я фотокорреспондентом на газете и подарил Сергею Арсентьевичу для музея газетный архив (диван фотокорреспондента приказал выбросить), мастер открыл мне «лесной секрет». Пришли мы с ним на дощатым лоткам, на которых продавали «дары леса» грибники и ягодники. Горючий с деревянной ногой? Гаврилов Петр. Его зять у нас на заводе формовщик, лесником на Липовых горах. Так что, ежели Гаврилов на базаре с белыми грибами, то Липовые горы поспешай. Гавриловы всей семьей белые только на Липовых горах берут. А ежели с рыжиками, то белом платке. Макаровна. Она на Марусиной даче живет. Ежели ее с рыжиками

увидел, дуй с корзиной на Марусину дачу. Ну а ежели волнушек «царских» захотел, следит. Он волнушку по берегу Луги аж возле Осмино берет. До революции царскому двору поставляли. Целые деревни только волнушку заготавливали. Что больше каждый двухкопеечной монеты...»

Выйдя на пенсию, Сергей Арсентьевич Николаев многие годы уже является объектом внимания заводского музея. Как о директоре музея сказать о нем коротко можно так: музейная его сегодняшняя жизнь заключена в музейных делах-хлопотах. Музей хотя и представляется в нем экспозиций давно перешагнул заводские границы, историческое внимание охватил. Даже дверей у музея две: одна на городскую улицу выводит желающий, другая выведет прямо в заводские цеха тигельного участка. Во время обеденный перерыв даже заглянуть в музей может, и сторонний экскурсант с удовольствием в музее частенько различные заводские собрания и семинары проводятся, посвященные другим мероприятиям, а с улицы идут в музей экскурсанты-одиночки и организаторы заводов и фабрик, домов отдыха и городских школ, то станут в какой-то мере объектом внимания общественного директора музея. Всех проходящих встретить надо, всем по возможности самому кое-что послушать. К вечеру прибрать все в музее, подмести пол, а то и вымыть. Отличительной чертой Сергея Арсентьевича, как общественного директора завода, он, как говорят порой газетчики, «держит руку на пульсе времени». Рабочий директор непременно выкроит из него время побывать в заводских цехах, особенно в свинцовом, потому в курсе всех рабочих дел — и хороших, и плохих. На рабочем и общественном поднимется и в присутствии директора завода примерно так скажет: «Помните, товарищи, директора завода Блинова Александра Николаевича? Или главного инженера завода? Невозможно, чтобы в бытность их такое на заводе могло произойти, какое недавно произошло. Вся ночная смена простояла, сжатого воздуха к формовочным машинам почему? Компрессорщик дядя Вася, видите ли, в компрессорной закрылся и заснул, так и не удалось в компрессорную. Наутро дядю Васю пожарили, так он с расстройства в лотерею сдачи лотерейный билет взял и «Запорожца» выиграл. Сами знаете, товарищи, так рассказываю, смеяться не надо. В бытность Блинова Александра Николаевича, директором завода, Александр Николаевич — койку в цех и не уйдет с завода, пока дело не кончится. Скажите: видели вы хоть раз нашего нынешнего директора в цехе в ночную смену? Нет, человеку, поинтересовался, что и как? Почему сейчас компрессорщику дяде Васе за преступления, за которые в бытность Блинова Александра Николаевича он был бы наказан, потому, в первую очередь, что директор наш сам частенько по заводу с налитым

Сидит директор завода, слушает, помалкивает. А что возразить? Николаев тем, что каждое произнесенное слово в любой момент может быть подтверждено свидетелями. До сих пор у всех в памяти свежа схватка общественного директора с другими административными головами, которые решили «слегка» подправить историю, уже трудно сказать, кому конкретно первому пришла в голову мысль приурочить историю тигельного завода к послереволюционному возрождению. Дескать, все, что было до революции, не считать, а отсчет заводской истории начать так, чтобы в ближайший юбилей получился — 50 лет. Да под такой юбилей единственному в стране тигельному заводу (умом к делу подойти) большие возможности могут открыться. Юбилейные торжества, статьи в печати — это все мелочи. Под такой юбилей и план (частенько не выполнимый) попытаться скорректировать в ту сторону, чтобы сверкнуть.

Первым против фальсификации истории завода поднялся общественный деятель Сергей Арсентьевич Николаев. Пришел к директору и начал выкладывать на стол такого вот, краткость которого позволяет привести его здесь полностью:

«От 8 ноября 1906 года. Свидетельство.

Крестьянину Родомской губернии Иосифу Каспржику о разрешении открыться для выработки графитно-глиняных горшков в городе Луге в 148 квартале.

Санкт-Петербург. Губернатор Зиновьев».

Печать и соответствующие подписи — все на месте.

Отстоял Сергей Арсентьевич историю «Красного тигля», но уже не без поддержки нашей газеты.

А в скором времени и юбилей самого Сергея Арсентьевича Николаева тигельщика «Красного тигля», первого секретаря комсомольской организации бригаде которого писали в свое время многие ленинградские газеты. Как же отметить заводу юбилей своего ветерана? У меня под руками приказ директора завода «теплое» послание получил юбиляр:

«За определенные заслуги (!) перед коллективом завода и в связи с 70-летием т. Николаева Сергея Арсентьевича занести в заводскую книгу Почета. С тигельного участка, согласие партбюро и заводского комитета профсоюза»

О Лужском абразивном заводе и заводском ветеране Сергее Арсентьевиче Николаеве можно говорить до бесконечности, и потому следует вернуться к рассказу о посещении завода Абрамовым и Чистяковым.

Когда мы подъехали к дверям музея, я успел уже кое-что рассказать гостям о музее. Абрамова в моем рассказе более всего заинтересовал тот факт, что музейные жители Луги и других городов находят по фотографиям и документам музея сведения, которые их разлучили войны Отечественная, гражданская и о судьбе которых им ни о чем не было известно. Сергей Арсентьевич ворошит свою незаурядную память и горы документов, чтобы рассказать о судьбе своих родных и близких, а если возможно, то и встретиться. Такие вещи не редкость.

— То само, Борис, это интересно, что ты рассказываешь, — произнес Федор из машины. — То само, сейчас поглядим...

В очень удачный момент, на мой взгляд, попали мы в заводской музей. По музею оставалось еще полчаса, но двери его были распахнуты настежь. Сергей Арсентьевич Николаев — среднего роста, сухой, жилистый, в очках — подправлял лопатой ухоженный музейный пол. Рядом у стены стоял старый гончарный станок, за которым сидел Павел Владимирович Аверьянов. Вернее, не сидел — работал. Павел Владимирович Аверьянов — был последним из знаменитого гончарного рода Аверьяновых в нашем городе и районе. Я знал гончара как приятеля Сергея Арсентьевича,

директор частенько увлекает на дела-затеи в своем музее. Старый гончар на жизнерадостный и компанейский человек, один из тех, на кого приятно смотреть. Присказки, анекдоты сыплются из него, как искры из абразивного круга. Когда м. Владимирович громадными корявыми лапищами разминал на гончарном круге, то рассказывал своему приятелю. Я не успел еще разобрать слов гончара, а Ф. выхватил из кармана записную книжку...

Увидев гостей, директор музея отбросил лопату и, как всегда забыв поздоровавшись за руку и потащил к дощатым стеллажам, на которых стояли сырые еще глиняные...

— Вот смотрите, что мы с Павлом Владимировичем за сегодня только сделали, обращаясь уже и к писателям. — Этот гончарный станок Аверьяновы завезли и нам подарили, когда мы тигли осваивали. На нем наши формовщики и начинали т. станок в музее осел, а теперь, видите, снова в деле. Директор завода говорит, что ширпотреб не освоить. Конечно не освоить, если мозгой не шевелить. А это работа же на участке обжигательные печи — мечта гончарная! Мы эти горшки подкупаем, покупатели с руками оторвут. Кто от такой красоты откажется? Павел Владимирович пять этому делу обучить. Да он сам еще все магазины в городе этими горшками глину подавай!

Абрамов подошел к стеллажам и заинтересованно стал рассматривать старую глину. Рассматривал его долго, потом повернулся к гончару и с уважительностью в голосе сказал: «О»:

— Хорошая работа. Очень хорошая работа.

— Писатель из Ленинграда Федор Абрамов, — представил я гостя. — А это Абрамов знакомый.

— Писатели?! — ахнул Сергей Арсентьевич и схватил Абрамова за руку. — Давайте покажем...

Четыре часа провел Федор Александрович Абрамов в заводском музее. Испытав, что такое записная книжка. На улице стояла жара, и в помещении музея было душно. Сергей Арсентьевич Абрамова как клещ и не отпускал, увлекая все новыми и новыми своими рассказами.

Прощаясь, Федор Александрович сделал в книге отзывов заводского музея запись. Этим очерком, я нашел ту запись Абрамова в книге отзывов на странице 140. Вот что он написал:

«Восхищен музеем, восхищен неподдельным, удивительным энтузиазмом Сергея Арсентьевича, Земля Русская держится! Издревле держится и поныне»

Долго не мог я решить: какую ферму в районе показать гостям? Федор Арсентьевич предложил «Хорошую ферму». Но что значит «хорошую»? Хорошую по надоям или хорошим условиям труда? У нас в районе и так бывало, что вдоволь оснащенная механикой ферма отставала по надоям от фермы старой, необорудованной. Яркий пример тому...

совхоза «Волошовский». Доярки этой фермы на скотном дворе с прогнувшейся кривою коров по пять с лишним тысяч килограммов молока в год, утирая нос дояр, последнему слову техники молочных комплексах.

После некоторого размышления решил я показать гостям не столько хозяйство человека на ферме. И выбор свой остановил на ферме Бор совхоза имени Дзержинского от Луги. На ферме этой работает знаменитая на весь район доярка Алексея съезда, орденоносец и всяческих иных наград кавалер.

В бытность фотокорреспондентом получались у меня с фамилиями доярки Алексея всяческие казусы. У фотокорреспондента ошибок в работе бывает в общении с литсотрудников. Но если литсотрудник допустил в своем материале ошибку человека или цифру, это не так уж заметно. Другое дело фотокорреспондент. По снимком передового механизатора-звеньевского, что собрал тот с каждого гектара 25 центнеров (вместо 25 тонн) картошки. Попадись подобная ошибка в газетной работе и внимания не обратят, явная опечатка. Но когда на вас с газетной улыбкой физиономия и вы читаете, что этот жизнерадостный здоровяк в 25 центнеров картошки с гектара...

С дояркой Алексеевой у меня и того хуже получился казус. Помню, она тогда на ферме работала и только-только замуж вышла, сменила девичью свою фамилию на Алексеева. Подлетел я к ферме на редакционном газике, лучших доярок фермы довел до быстрого, записал в блокнот основные данные для газеты — кто сколько доит, кто и назад в редакцию. И на следующий уже день фотография доярки Алексеевой под ней мною сделанная информация, сообщающая читателям, что молодая доярка Алексеева со своей не менее трудолюбивой подружкой-напарницей (фамилия которой на ферме победителями в соцсоревновании по надоям молока от своей группы за период времени. Подпись как подпись, ничем особенно от иных подписей отличающаяся, да вместо фамилии напарницы Алексеевой указал я ошибочно фамилию же Алексеевой. Как фамилия ее девичья в блокнот мой попала, до сих пор не помню.

97

К ферме Бор подъехали мы незадолго до вечерней дойки.

— То само, Борис, ты нас на хорошую ферму привез? — подозрительно спросил Александрович, оглядываясь по сторонам. — Я, то само, недавно в Америке был.

Ферма — это не музей, и наше появление на ней ни у доярок, ни у заведующих фермой. Доярка Алексеева, увидев меня, настороженно-сдержанно улыбнулась, и я из-за ее рукой успокаивающий жест, чтобы не нервничала. Дескать, не фотографировать, просто навестить-проведать. Хотя в газете давно уже я не работал, воспринимали особенно на селе, не иначе как «фотографа из газеты».

Не получилась у нас на ферме хорошая встреча, доверительного разговора с какой стати пойдут люди на доверительно-душевную с нами беседу? Приехали на самой дойкой, смотрят, разузнают, и не комиссия вроде. Как приехали, так и уехали.

Мы сидели в комнате отдыха, и Федор Александрович расспрашивал женщин

семье. Заведующая отвечала ему деловито, четко, с улыбкой. Доярка Алексея уже без улыбки. Потом пошли смотреть коров.

Здесь, мне кажется, Абрамов впервые искренне удивился. Нас рассматривали вальжно-степенные и, что и поразило писателей, необычайно чистые. Ни одна катыша не увидели мы на их боках, лишь у всех по щиколотку чернели ноги. Словно был это не совхозный скотный двор, а выставочный коровий павильон.

— Как вы, то само, умудряетесь их в такой чистоте содержать? — спросил Абрамов вас что, скотников много, доярок?

— Какое, много, — заведующая усмехнулась. — А доярок у нас всего две.

— Как, две? — не понял Федор Александрович. — На весь двор две?

— Две. Вот, Катя Алексеева и напарница ее. Зато посмотрите, какие женщины, взбрыкнула заведующая.

— Нет, вы серьезно? — Федор Александрович недоверчиво переводил взгляд с заведующей на Алексееву.

— Коровы чистые потому, что на подстилку они у нас не ложатся, а спят на ней, — пояснила заведующая. — Нехитрое вроде приспособление, а коровы — сами выдумали придумали.

Тут только обратили мы внимание на сухие дощатые площадки возле кормушек, выстланные торфяной подстилкой на несколько сантиметров.

— Неужели коровы только на эти щиты ложатся? — впервые удивился и Чистяков. — Не ляжет?

— Никогда. Сами поначалу не верили, а теперь вот...

— Две доярки на всех этих коров? — не мог успокоиться Федор Александрович. — Женщины, героизм. Нет, то само, я серьезно: героизм! Я труд на ферме знаю хорошо. Это, то само, в четыре часа подъем и на весь день...

Федор Александрович принялся сочувственно восхищаться трудом женщин, поддерживая разговор сдержанными улыбками. Мне показалось даже, что писатель и женщины не понимают друг друга.

— А мне нравится на ферме и что людей мало, — мягко возразила писателю заведующая, — хозяева, а театр — вон телевизор, между дойками иной раз и поглядим.

Федор Александрович вдруг разволновался, стал говорить о великой труженице, о которой он читал в журнале. Вспомнил он одну из тех женщин — усталая, голодная, больная, потерявшая на работе силы работать и кормить страну. Та труженица, которой Федор Александрович воздвигал памятник своим литературным трудом и писательским талантом. Но это была не просто доярка, а труженица, которая достигла в своем деле вершин такого же героизма, как и труженица, о которой он читал.

приносить ей моральное удовлетворение, ее труд стал творчеством. Я познакомился просто с дояркой Алексеевой, а с дояркой завтрашнего дня. Увы, даже такой про «инженер человеческих душ», как Федор Абрамов, подходил к Екатерине индивидуальной мерки, со своим привычным аршином. И потому контакта не по-

— Ой, гости дорогие, извините, — всполошилась вдруг заведующая, — у нас д-

Наконец-то Федор Абрамов и Антонин Чистяков увидели то, что больше всего им на этой ферме: работу доярки Кати Алексеевой. Вернее, доярку Алексееву в себе имеет смысла, работу Алексеевой надо видеть. У доярки рассчитаны не только ее взгляд, каждое слово. Именно слово и взгляд — потому что обслуживает она жи- из которых тоже свой взгляд на доярку, свое настроение, свой норов. И не по норову, не улови настроение буренки, она неизбежно потеряет на ней молоко идет на секунды. Я не оговорился, именно на секунды. Вакуумные доильные аппараты высасывают из вымени коровы молоко, что зазевайся доярка или замешкай потом и дотронуться до вымени не даст.

Федор Абрамов на работу доярки Алексеевой смотрел долго, неотрывно, молча проговорил:

— Поехали.

Мы ушли не попрощавшись, на ферме все были заняты своим делом. Федор продолжал молчать и в машине. И только когда мы выехали на шоссе, произнес:

— То само, интересная ферма...

Ночевать в Луге Абрамов не захотел.

— В Новгород еще засветло долетим, — проговорил он утвердительно. — По дороге с ним на одном фронте воевали. А завтра с утра, то само, по Новгородчине...

8

Поездка наша по Новгородчине мало чем напоминала туристическую прогулку. Уплотнен был Абрамовым безжалостно. Иной раз некогда было и пообедать. Интересны оказались те дни, чем запомнились? Встречами и беседами с людьми, с рабочими, рыбаками? Пожалуй, нет, с людьми этими общался я каждодневно. Быть, самыми интересными были места, по которым мы проезжали, где проблемы? Нет. Во всех тех местах Новгородчины бывал я и прежде не раз, и там также были не новы. Более того, не являясь специалистом сельского хозяйства, не подходил к проблемам земли осторожно, тем паче не давал своих конкретных советов исконным земледельцам. Самым же интересным, что осталось у меня в памяти от писателями Абрамовым и Чистяковым, был... писатель Абрамов.

Сидя за рулем «Москвича» рядом с Абрамовым, я задавал себе иногда вопрос: «Александровича потянуло на публицистику?» По отношению к Чистякову, в подобный вопрос не возникал, но Абрамов? Федор Александрович активно работал в

находился в том возрасте, когда писатель, по моему мнению, уже не разбрасываться месяцами побочной работы. А что очерки «Пашня живая и мёртвая, Русь пошла...» только по обилию перелопаченного в нем материала отняли не в своё время, ни у кого, мне кажется, сомнений не вызывает. Ответ на свой вопрос не

В моей записной книжке сохранились дневниковые записи той поездки. Вот, днём 11 новгородский день:

1. Встречались в обкоме КПСС с заведующим сектором печати, радио и телевидения, беседовали с секретарем обкома В. А. Цалпаном.

2. Посетили музей северного деревянного зодчества «Витославицы».

3. Знакомились с новыми жилыми районами Новгорода. Увидев блочные дома, подумал: «То само, в Ленинграде итальянская делегация гостила. Показали им новостройки, теперь, мол, только начинаем понимать, какая богатая ваша страна. Позволили себе, рассчитанные меньше чем на сто лет».

4. Осмотрели Новгородский кремль. Мы с Чистяковым не смогли поименно перечислить памятники Тысячелетию России Микешина, чем Абрамова рассердили.

5. Побывали в колхозе «Искра», беседовали с председателем колхоза Георгием Труда Н. М. Андриановым, с колхозниками и специалистами хозяйства. Дорога к «Искре» недавно заасфальтирована, возле здания правления колхоза чистота, порядок. Почета. Рядом скульптура доярки в сапогах, выливающей молоко из подмышечной скульптурной доярки плотна, костиста, но полна женственности и по-своему красива. Осмотрелся, проговорил: «Здесь Советскую власть уважают». И, кивнув на скульптуру, добавил (по адресу скульптора, наверное): «А то понаставят вместо доярок, то с

98

Когда распрощались мы с председателем колхоза и расселись в «Москву», в записную книжку (которая почти всегда была у него в руках), проговорил, запирая её, Андрианов сказал: «После работы волоку себя домой за шиворот»? А?! Ну, кто ещё образнее сказать про усталость?»

6. Побывали в совхозе «Ташкентский». Осмотрели поля, стройку централизованной, которую ведут ташкентцы, точнее узбеки, приехавшие работать из своей республики на эту землю. Разговаривали с ташкентцами. Затем долго беседовали с председателем сельского Совета Виктором Константиновичем Зеновым и секретарем сельсовета Махиной. Более всего Абрамова поразило «стройное место», выбранное для строительства совхоза. Осушенное болото, вокруг до самого горизонта ни деревца, ни кустика, ни ногами, как камень. Весной и осенью непролазная грязь. Более неприглядного места не найдешь. Недаром место это в недавнем прошлом носило название Гривы, а теперь название: Лесная.

7. По предложению Абрамова навести семью новгородского писателя Леонова со вдовой писателя Велей Дмитриевной съездили на кладбище, возложили

талантливого и рано ушедшего из жизни писателя.

8. Вечером из дома новгородского писателя и друга моего Александр отправились (по предложению и приглашению Абрамова) в ресторан «Садко». рулем я воспротивился, сказав, что шофер тоже человек. Порешили ехать Александр Васильевич инвалид войны (на Невском «пяточке» ему оторвало соблазны застолья он уже не поддается. В ресторан, однако, нас не пусти перехватил белокурый молодец в расписной рубахе, подпоясанной кушаком, в пояснил: «Не обслуживаем! Иностранная делегация». Ежов, балансируя возл принялся уговаривать его, шептать, что перед ним писатели, что сам Абрамо делегация, — поигрывая плечами, отвечал молодец. — Не обслуживаем Александровича мгновенно упало. «Поехали домой», — буркнул он и, круто по выходу. В кабине он повернулся к Ежову и мрачно проговорил: «То само, Саша. Ведь у тебя в руках, то само, был костыль...»

В доме Ежова за столом, когда наполнены были бокалы и хозяин принял гостей, Абрамов, все еще мрачный, перебил его вопросом: «То само, какой вспомните-ко?»

Первой ответила Анна Евсеевна, супруга Ежова. Она словно ждала этот вопрос июня!»

9

На второй день нашего пребывания в Новгороде Федор Абрамов неожиданно

— То само, Борис, в музее Достоевского в Старой Руссе бывал?

— Бывал.

— Надо съездить.

Из Новгорода в Старую Руссу нам удалось выбраться только к вечеру. По вечер выдался тихим, теплым и не душным. Впервые в машине я не видел в р Он опустил ветровое стекло, расстегнул рубаху и, откинувшись на сиденье, при гудел в кабине, на заднем сиденье, вопреки обыкновению, разговорился Ан интересное на нашем пути, хотя по дороге этой Новгород — Шимск вчера мы пр

— То само, Антонин, не зудит, — попросил Абрамов, не открывая глаз.

Когда подъезжали мы к поселку Лесная (Грязная Харчевня), Абрамов открыл спросил:

— «Ташкентский»?

— Да.

— То само, Борис, что испытываешь, когда проезжаешь это место?

— Стараюсь проскочить его на скорости.

— А людям здесь жить... До Ильмена отсюда сколько километров?

— Четыре.

— Четыре километра дороги... И берег красивейшего озера. Простор, вода, р но не в болоте, а у воды в зелени. И парус в окне. Праздники на воде, как у Четыре километра дороги... Ну, то само, трудяга за день наломается, ему лишь а дети? Разве можно детям без общения с природой? Четыре километра доро это под пашню пустить. Я недавно, то само, в Америке был. Такие земли, как э канавы уже не пускают. Трубы вместо канав укладывают, землей засыпают и само, лет на сто хотя бы вперед смотреть?

— Должны.

Здесь я позволю себе сделать отступление, перенестись на несколько лет в пишутся эти строки. На столе у меня два номера ежегодников Союза писателей 1982 годы. В данном случае сборники эти интересны тем, что в первом опубликован очерк Рахима «Хошар на полях братства», во втором — очерк Федора Абрамова и этих весей Русь пошла...». И в том и в другом речь идет и о совхозе «Ташкент» недолго и примерно в одно и то же время наблюдали строительство нового на но как по-разному они пишут и оценивают увиденное.

Вот несколько выдержек из очерка Ибрагима Рахима:

«Что такое «хошар»? Любой мальчуган у нас в Узбекистане скажет вам н такое»?! Это праздник. Это стройка. Такая стройка, которая всегда празд строить выходят все, весь кишлак!..

Здесь, дома, вся республика будет следить: как там наши, с честью интернациональную, миссию? В добрый путь, товарищи!..

— Я понял, что очень правильно поступил, решив поработать здесь, н Мухаммадиев.

— Почему? — допытывался я.

Мухаммадиев объяснил обстоятельно.

На всю жизнь, оказывается, запомнилась ему встреча. Как принимали ц цветами. С музыкой. И с доверием...

— Как же с выполнением, с буднями, с ходом конкретной, плановой р Мухаммадиева.

— А мы поедем с вами на место, — сказал он. — Прямо в новгородский кишлак.

Мы ехали с управляющим интернациональным трестом «Узбекновгород-Ташкентский». По обе стороны дороги на Псков на обширной площади раскинулись Вернее, центральная усадьба и поселок. Жилая зона, как здесь говорят, совхоза превышает десять тысяч гектаров. Плюс службы, коммуникации.

Болота. Мелколесье. Пласты торфа... Над всем мощный всесильный рок бульдозеров, экскаваторы...»

Что ж, очерки пишутся и так. Но стоит перейти на трезвый деловой тон, заглянуть в документы, как картина меняется. Вот что пишут о той же стройке АБ

«Провалы с этой узбекской стройкой на Новгородчине стали притчей во языцех и в местной печати. За первые два года план по строительно-монтажным работам выполнен на тридцать семь процентов. За первый год убыток составил шестьсот и второй — еще больше. Качество работ — ниже критики. Один из корпусов, нуждается чуть ли не в капитальной перестройке. Но никто не осмеливается виноват в этом? Где корни провалов?..

Представить, как это происходило, нетрудно. Бросили клич: «На помощь объявили кампанию, понимая ее так: вали комар да муха, лишь бы числом по этому числу десятки мастеров-энтузиастов и сотни случайных халтурщиков, спекулянтов, которых немало и у нас.

Вот что говорят сами узбеки, ответственные за ход работ:

— Придет иной наш земляк за тысячу километров, тубетейку снимет, кирпич класть я — совсем худой!..»

Что толкает таких южан к нам на север? А вот что! Сохраняется полностью работа, начисляется к прежней ставке еще ставка по новой специальности, плюсуется еще полставки разъездных. Итого — две с половиной ставки, чья бухгалтерии, и не снилось такому работнику на своей теплой родине.

А иной ловкач, говорят старожилы, деньги домой не везет, а покупает и возит с собой, впереди ждет тройная спекулятивная сумма.

Польза или вред от такого посланца? Ответ ясен. Более того, рядом с ним парень и получает в два с половиной раза меньше при большем объеме работ.

Какая уж тут нравственная атмосфера!

Да если бы создали такие условия новгородской молодежи, работы эти не выполнялись бы, а на 137, ребята не обивали бы пороги в отделе кадров Новгородчины...

Ежегодно село теряет около четырех тысяч труженников, выбывающих за г

А ведь началось все с того, что одним росчерком пера (тут уже не утверждено строительство административно-культурного центра нового с

Слышим упрек: поздно об этом, чего после драки кулаками махать?

Нет, не поздно: страда сельского переустройства — в самом начале последняя».

99

Но вернемся к нашему путешествию.

До самого Шимска оба мои пассажира дремали. Проезжая по мосту через Ш Абрамова, но потом передумал. Оставалось недалеко и до села Коростынь, где попутной дворец Екатерины Второй, а уж императрице и попутной «домишко» в ху

В Коростыни, не советуясь с пассажирами, свернул я с дороги, спустился с х рощице, и выключил мотор.

— То само, почему стоим? — проворчал Абрамов, открывая глаза. И замер.

Перед нами, за частоколом высвеченных заходящим солнцем берез, лежал под угором, куда не дотягивались уже солнечные лучи, оно отсвечивало э дальше — светилось серебром, а на горизонте розовело, сливаясь с багряным полукилометре от берега, чуть слышно постукивая моторами, шли рыбацкие сой

Федор Александрович долго сидел не шевелясь, смотрел в ветровое стекло повернул голову ко мне, произнес тихо:

— Ну, Борис, то само, спасибо...

Мы вышли из машины. Федор Александрович, ничего не говоря, захромал сторону. Долго бродил в березовой рощице один, потом по крутому камени воде. Крикнул:

— Антонин! Борис! Надо искупаться.

Прихватив фотоаппарат, мы с Чистяковым двинулись по узкой тропке вниз к Александрович уже фыркал, плескался в воде. Мы с Антонином последовали ег

После купания, когда плясал Федор Александрович на каменистом берегу, в принялся я ловить его видеоискателем фотоаппарата. И только тогда увидел страшные вмятины.

— Это у него пулями навывлет, — тихо пояснил Антонин.

В Старой Руссе мы сразу же завернули к Дому-музею Достоевского. Х реставрации и был для посетителей закрыт, я надеялся, что директор музея Ге

по старой дружбе примет нас. Директора, однако, в музее мы не застали. Времени у Достоевского оказался на запоре. Оставив своих спутников на берегу Первого, Георгий Ивановичу домой.

Здесь мне придется вновь сделать оговорку: рассказ о встрече писателей с Достоевским Смирновым поведу исходя из того, что читатель ознакомился уже с «Встречей с Руссу, к Достоевскому». Это позволит мне, говоря о Георгии Ивановиче Смирнове, не повторяться.

Георгий Иванович проживал один в маленькой однокомнатной квартире на первом этаже. Его никогда не запирались, даже тогда, когда хозяин ее отлучался из города на несколько дней. Однажды Георгию Ивановичу пришлось все же поплатиться за эту свою привлекательность немало нужных ему и ценных книг, и с тех пор Георгий Иванович нет-нет да и поглядывал на свою квартиру, опасаясь, видимо, за самое ценное, что оставалось у него — за свои размышления о личности Федора Михайловича Достоевского и его творчестве. Георгий Иванович вел много лет, кое-что из них читал и нам с Горышиным, слушать и читать он рассказывал нам Георгий Иванович, работал он над «Размышлениями» и по ночам писал раз ровно в час ночи. К этому времени в голове его уже «созревали» нужные мысли, и только проснуться и записать их на бумагу. На эту ночную работу уходило у него много времени. В два часа ночи Георгий Иванович вновь засыпал. Понятно, что Георгий Иванович о личности и творчестве любимого писателя не только во сне, но и в ночной час «настраивался»...

Когда я толкнул незапертую дверь и вошел в комнату Георгия Ивановича, в комнате холостяцкий кавардак, хозяин лежал уже в кровати под одеялом и широко раскрытыми глазами смотрел в потолок, наверное, «настраивался».

Я поздоровался.

Георгий Иванович перевел на меня взгляд, помедлил чуть-чуть и, не отвечая мне, спросил:

— Борис Алексеевич, вы хорошо знаете «Мастера и Маргариту»?

— Читал, Георгий Иванович.

— Не находите ли вы в этой вещи некоторую внутреннюю связь с «Братями Карамазовыми»? Последнее время меня очень увлек этот роман Булгакова.

— Георгий Иванович, мы приехали...

— А где же Глеб Александрович?

— На этот раз без Горышина. Со мной писатели Абрамов и Чистяков.

Мне показалось, что фамилии писателей особого впечатления на Георгия Ивановича не произвели. Хозяин дома был явно разочарован и подниматься с кровати не спешил. Я пригласил Георгия Ивановича, что Федор Абрамов очень серьезный писатель, лауреат Государственной премии, он человек со своим характером, в прошлом — раненый фронтовик и так далее.

я сказал, что Федор Абрамов в свое время возглавлял кафедру литературы в университете, а Глеб Горышин учился у него и до сего времени считает Федора учителем, хозяин дома отбросил в сторону одеяло и принялся одеваться. Одобрительным расположением к гостям-писателям Георгий Иванович, видимо, так и не проник к ним по лестничным маршам, пофыркивал директор Дома-музея Достоевского и задором поддегивал локотками свой неизменный черный пиджачок.

Скажу сразу: встречи, на какую надеялся, того впечатления от посещения Дома Достоевского, которое оставалось всякий раз у меня прежде, в тот раз не получилось.

Церемонно поздоровавшись с писателями, Георгий Иванович отпер заборную дверь и любезностью пригласил всех войти. Во дворе он тотчас принял позу экскурсовода, некоторое время пристально смотрел на незваных экскурсантов, как бы пытаясь повлиять на их поведение своей воле. Чистяков взгляда директора музея не выдержал, снял очки, ступив на ступеньку. Несколько мгновений они стояли друг перед другом, сцепившись взглядами. Георгий Иванович Абрамова пронзительными диковатыми глазами, как бы спрашивая: сейчас понадобится Федор Михайлович Достоевский? «Ну-ну, давай покажи и расскажи, что ты знаем», — казалось, отвечал тяжелый немигающий взгляд Абрамова, и скептически отвисала.

Наверное, эта внутренняя ершистость Федора Абрамова и вывела директора музея Желая, видимо, перед строптивым экскурсантом сразу взять «быка за рога». Он, вместо обычного словесного «разогрева» копнул творчество Федора Михайловича так, что, в силу воли и обстоятельств, до внутренней связи творчества Достоевского с творчеством Абрамова. И принялся под беспощадным молчанием Абрамова неуклюже выбирать тему для своего выступления. В это время покупки Федором Михайловичем и Анной Григорьевной дачи Гриббе в Сосновом Бору.

— То само, могли бы доски получше построгать, — неожиданно перебил директор музея Желая, осуждающе похлопал ладонью по плохо струганной обшивке дома.

— О-хо-хо, хо-хо! — вздохом поддержал Чистяков Абрамова.

Директор музея, не любящий, когда его перебивают, не выносящий критичности к своему детищу, привыкший к тому, что всякому его слову экскурсанты безразлично внимают, от подобной дерзости онемел. Долго молчал, жевал губами, поддевая локотками свой черный пиджачок. Затем с прежней ледяной любезностью пригласил гостей следовать за ним.

После осмотра двора и бани, после нескольких нигилистических вздохов Чистяков начал рассуждения абрамовских: «То само, зачем это? То само, почему так сделали?» — Георгий Иванович сдерживался. Когда поднимались мы по узкой скрипучей лестнице на второй этаж, Георгий Иванович задышал мне в ухо зловещим шепотом:

— Борис Алексеевич, кого вы сюда привезли?..

Как мог, успокаивал я кипящего директора музея, но тайная надежда моя переместилась в Дом Достоевского таяла...

Перелом наступил в кабинете великого писателя. Первым в кабинет вошел Г. Абрамов, следом мы с Чистяковым. Директор музея, стоя возле дверей, с которым, казалось, заставит вас не только шапку сдернуть с головы, но и сами во

— Рабочий кабинет Федора Михайловича Достоевского.

Федор Абрамов, не обращая на директора никакого внимания, молча обошел мелочей, потом выглянул в окно и, повернувшись к Георгию Ивановичу, что-то плохо слышал, вернее, не понял. Что-то насчет Оптиной пустыни и Льва Толстого трагичного ухода Льва Николаевича Толстого из Ясной Поляны на столе его оставлена книга — роман Достоевского «Братья Карамазовы».) Что ответил Георгий Иванович, я не помню, а на момент тот обратил внимание только потому, что после вопроса Абрамов так и замер с прижатыми к бокам локотками, так весь и напряжился. И с ним кипеть от абрамовских: «То само, зачем это? То само, почему так сделали?» А спускаясь по лестнице вниз, Георгий Иванович зашептал мне в ухо уже совсем иным тоном:

— Я сразу почувствовал, Борис Алексеевич, что ваш Абрамов непростая штука.

Чести переночевать в доме Достоевского мы все же удостоились. Но вечер под крышей этого дома в тот раз, не оставили в моей памяти приятного воспоминания. Ночлег. Ночь выдалась душной, Абрамов перед сном проглотил таблетку. Антоном Ивановичем соревновались в храпе, и, помнится, меня очень удивила ночная пр

— То само, Борис, не спишь?

— Не сплю.

— Не в службу, а в дружбу: останови часы. Мешают.

Самым поразительным было то, что хода этих часов прежде я не слышал вво

10

Необычайно просто и быстро сходилась Федор Абрамов с незнакомыми людьми, создавая непринужденную атмосферу для беседы. Особенно меня поражало его умение быть незаметным и нелюдимым и мрачно настроенным человеком.

Вот мы втроем входим в ремонтные мастерские колхоза «Урожай». В углу сидят ремонтники, курят.

— Здравствуйте! — говорит Абрамов. — Мы писатели из Ленинграда. Это... — Чистяковым, — я — Федор Абрамов. Мы пишем о селе. Хотим с вами, то само, п

Подсаживаемся к ремонтникам, и сразу от Абрамова конкретные вопросы. Главным правилом, одна: как поднять сельское хозяйство, сделать свое жилище и жить. Вопросы — от приусадебного участка до земель России.

— Вот я недавно, то само, в Америке был, — говорит Абрамов, — у них этот п

у нас на Севере такое не пойдет. Может, на Новгородчине сгодится, как думаете

— А чего нам думать, — подает вдруг голос розовощекий здоровяк, — это у голова...

Таких собеседников Абрамов сразу брал в штыки:

— А вы что, не русский? У вас что, душа за Россию не болит? Вы что, свое мн Да я сам из деревни... — И «заводил» такого человека порой на очень интересн

Первое время меня удивляли длительные беседы Абрамова с людьми, котори нового ему сказать не могли. Которые не только в колхозном или государственн с дюжиной кур разобраться не могут. Причем вопросы им Федор Алекса неожиданные, а порой и несуразные. Ответы на эти вопросы заносил в свою за все. Из любопытства я принялся записывать те же ответы, что и Абрамов, и в творческую лабораторию писателя. Абрамова интересовало не «что» ответ некоторые фразы, которые записал Абрамов в беседах с самыми разными люд Бронницы и которые я продублировал в своей записной книжке:

«Телевизор всех нас сделал единоличниками».

«Укрупнение — беда, хозяйства стали неуправляемые».

«Ездил вымолачивать стройматериалы».

«Я — работяга. Меня премией воспитывай!»

«До войны колхозники от картошки отказывались, а теперь на труду каждому».

«Я в городе благоустроен. А картошку, молоко и мясо от стариков своих продовольственной проблемы нет».

«На проезжей дороге и трава не растет».

«А я за всю войну ни разу не вспотел».

«Природа упирается».

«Я иду по росе, ноги босы мочу, я такой же, как все, я девчонку хочу» забора. — Б. Р.).

«Ребенок родится — тянет руками к себе».

«Аусты перед голодным годом птенцов не выводят».

На наших глазах писатель Абрамов заготавливал для своих художественных материал». Он черпал его из неиссякаемого, мудрого и красочного источника

языка. Все дни нашего путешествия Федор Александрович не выпускал из рук э рядом с ним я чувствовал себя бездельником.

11

Поначалу, желая быть для Федора Абрамова спутником не скучным, рассказы истории, что знал, что пережил, выскребая из тайников памяти самые забавные

— То само, Борис, это интересно, что ты говоришь, — поощрительно гуде играя ручкой в блокноте, — очень интересно...

Я как-то туго и долго соображал: что же это такое? Федор Александрович при «мой» материал. И с какой стати я выкладываю писателю то, о чем сам думаю за несколько дней я останусь гол как сокол, Федор Александрович оберет меня д

С другой стороны, в ответ на мои откровения Абрамов тоже не скупился на Записывать их на глазах писателя я не решался, но кое-что отложил в память перебирая перед сном в памяти абрамовский «запас», не мог отделаться от считал и слышал. Стал припоминать и... Так это же Федор Александрович пер рассказы! И даже кое-что из недавно вышедшей своей книги «Дом». Ай да Федор

И я решил отплатить писателю той же монетой.

На следующий день, сидя за рулем, я принялся пересказывать свои ког рассказы, притчи из повестей, всяческие присказки и байки.

Федор Александрович стал записывать, но вскоре его что-то насторожило.

— Да это готовый рассказ, — проговорил он, подозрительно зыркнув на меня напишешь?

— Давно написан этот рассказ, Федор Александрович. И напечатан, — непри

Абрамов долго смотрел на меня испытующе, потом насупился и молча оставил

— Федор Александрович, — проговорил я через некоторое время, — вы нам пересказываете свои рассказы и «Дом», который я совсем недавно читал. Мы ж

12

Как работают писатели в соавторстве? Те же Абрамов с Чистяковым? М подобную творческую мастерскую всегда интересно.

Соавторство Абрамова и Чистякова в публицистике, помнится, кое у кого Дескать, два таких разных человека... Но Абрамов и Чистяков, работая в со кажется, дополняли один другого. Связывало их много общего (оба вышли из де труд на земле, юность обоих пала на войну, да и послевоенная их жизнь была разнились они в публицистике прежде всего тем (опять же на мой взгляд), что

выражаясь термином военным, мыслил тактически, то Федор Абрамов — стрелок. В первом своем очерке проблему живой и мертвой пашни на Новгородчине, при Дарьиного бугра у деревушки Жуково, что в полукилометре от Кончанского-Сува, Жуково — родина матери Чистякова, в Жуково прошло его детство, в этой деревне до последнего своего дня, то станет понятным детальное знание им тех двух генераций. В его глазах из пашни живой превратились в пашню мертвую.

101

«По словам старожилков, пуще всего берегли здесь пашню от воды и ветра. В болото легкие крупицы земли с семенами, посев прикатывали деревянными вымоком, свежий посев бороздовали: по стоку воды пропахивали более глыбы обильного таяния снега или сильного ливня все питательные вещества избыток воды — уже совершенно чистой — не застаивался на ниве, быстро бороздам в болото. Благодаря этой древней микромелиорации удобрения осели в местах всходов, не вымывались и не утекали в трясины, поле быстро высыхало, легкие...

Когда-то пашня на Дарьином бугре была намного выше и не было на его хребте разделяющего ныне запущенную пашню с действующей, не было по бокам думать, что здесь поработал древний ледник. Нет, потрудились здесь не ледники, а местные трактористы. Пахали все в свал да в свал, вот и спустился на унавоженный веками пласт. Не случайно на межевых трехметровых кручах, чем под ними, на заливном приболотном лугу. Сама же пашня исхудала, осели комочки просели в подпочвенный мертвяк, и жизнь в них едва теплилась. Тепло сюда пахарь из соседнего села и не пришпорил все 75 лошадиных сил. Не врезались в талую плоть зяби и вывернули пашню наизнанку. Родящийся пласт пластами чистой бледно-розовой глины, поднятой со дна, погребен под булыжником исподней породы. Семена были брошены на гибель. Затвердела стала глухая и непреступная, как кирпичная стена...»

Антонин Чистяков хорошо знал детали проблем, которые поднимали они с Абрамовым. Федор Абрамов, суммируя и обобщая эти детали, четко формулировал саму проблему в масштабе Дарьиного бугра до масштаба Российского Нечерноземья.

Особенно наглядно метод их работы можно проследить на очерке «От этикета». Помнится, увидели мы на прилавке киоска в Валдае буклет «По Валдаю». На нем изображено было село Яжелбицы — многоэтажные здания на живописном склоне. Мы едем в Яжелбицы. Позднее Абрамов и Чистяков напишут:

«Село это — древнее. Славилось оно красотой, а природа еще краше. За последние десятилетия оно разноразнообразно и анфилады высоких цветущих луговин, поднимающихся к небу, в долине и музыкантов, и поэтов. А в последние два десятилетия над всем этим пейзажем вырос, перечеркнув пейзаж, серый каменный нарыв пятиэтажных жилых корпусов. В один ряд, они уродуют весь этот вид «русской Швейцарии», как справедливо называют валдайский край, бывшую Деревскую пятину новгородской земли. Дома эти действительно нельзя: мать близнецов различает, а эти корпуса сам их родитель, Сельсовет отличит. И это уродство называют «перспективным» сельским центром, убожеством...

цветной открытки в буклете „По Валдаю“».

Вот это, грубо говоря, мысль Чистякова. А далее, развивая его мысль, идет ма

«Вглядимся пристальней в настоящее. По всей русской земле идет гигант черты приобретет она спустя полвека? Ведь в такой перестройке деревни ее привычный национальный облик.

А угроза, подчеркиваем, прямая угроза сегодня этому есть. Эта угроза подобных яжелбицким. Говоря об этом, мы хотим одного, чтобы на русской з который усвоит все лучшее в национальной культуре, все, что создали предк

Подчеркиваем, в капитальной перестройке села спешка и кампанейщина м страшному запустению — к духовному. В наши дни закладывается н определит лицо русской земли не на годы, а на столетия...»

Так как же работали Абрамов и Чистяков в соавторстве, как писали? Оп слышать разговоры, что писал очерки один Чистяков, а Федор Абрамов, мол, ли что поправлял. Иные, наоборот, утверждали, что, зная твердый характер можно предположить: в очерках высказаны мысли одного Абрамова, а Ч письменно оформлял их.

Все это не совсем так.

Оба очерка действительно писал от начала и до конца Антонин Чистяков. Не такого напарника в работе, каким был Федор Абрамов. Все те проблемы, которые своих публицистических работах, Федор Абрамов формулировал и развивал. Делал это он четко, образно, глубоко, иногда, правда, с излишним пафосом. Ч же, порой на ходу, записывать слова Абрамова. Когда он этого не делал – себя, — тогда Федор Александрович сердился на Антонина всерьез. Позже А написанное Чистяковым, многие места перечеркивал и бранился. Но сказ Абрамову удалось полностью подчинить своей воле напарника и навязать ему проблем, никак нельзя. Чистяков был крепкий орешек, умел молча или с пр отстаивать собственное мнение, и тот факт, что ему удалось в очерках затрагиваемые проблемы своими стихами, говорит сам за себя.

Не могу с уверенностью утверждать, кто вложил больше труда в совме работу — Абрамов или Чистяков? Федор Александрович считал, видимо, ч поработал Антонин. Вся свою часть гонорара за очерки он перевел на имя Чист

— То само, Борис, почта близко? Надо заехать. Чуть не забыл дать телеграмм

Я повернул машину к почте. Федор Александрович продолжал, неожиданно по

— У моих ребят из Театрального на Моховой сегодня памятный день. По

дипломную работу — сцены из Шекспира и из моих «Братьев и сестер». Хороши

— Это те, которые к тебе в Верколу приезжали? — спросил Чистяков.

— Да. Они тогда, то само, «Братьев и сестер» готовили. Это их дипломный спектакль. Федора Александровича было видно, что тема разговора доставляет ему удовольствие. Когда ко мне в деревню приехали — двадцать человек с преподавателем. То сам спектакль, то сценарий. Спектакль пожили на Пинеге. На сенокос ходили, с бабами беседовали, первый день рубят дерево.

— Где ты их разместил в своей Верколе? — спросил Чистяков.

— В монастыре жили, в школе. Хорошие ребята! Всем по двадцать — двадцать пять. Один женат, одна разводится. Все — настоящие артисты. Чистые ребята, талантливые. Сами и поэты, и песенники, и гармонисты. А как, Хороший дипломный спектакль создали. Искренний! После Москвы решили все в Сибирь...

На почте, когда составлял Абрамов телеграмму ребятам, я попросил его:

— Федор Александрович, разрешите переписать текст вашей телеграммы?

— Зачем тебе? — удивился Абрамов.

— Не зря же катаюсь с вами, Федор Александрович. Вы с Антонином все ворочаете. А я хоть о поездке нашей когда-нибудь напишу. Вот и пригодится телеграммочка.

Телеграмма и впрямь пригодилась. Вот она:

«Москва. Пушечная, 9. Центральный дом работников искусств. Кацману ребятам. Езжу и шлепаю по Новгородчине, по древним русским городам и веселюсь с вами. Поздравляю вас с выходом в большую жизнь, в светлый и яростный мир, всегда мужественны и верны своей клятве. Помните: искусство принадлежит только тем, кто ради него готов на любые жертвы. Спасибо вам за радость бескомпромиссную, которая всегда воспламеняла и вдохновляла меня. Не боюсь шторм жизни и сцены. Верю в вас, люблю вас, Ваш брат-отец Федор Абрамов»

102

14

Последний день своего путешествия с ленинградскими писателями по земле Новгородчины в деревне Жуково, где у Антонина Чистякова была изба. День этот Абрамов и Чистяков. Накануне вечером вышли втроем на лодке в озеро, и мы с Антонином бросили небольшую сетку в надежде сварить назавтра уху.

— Да вы браконьеры, — ворчал Абрамов, — то само, попадешь с вами в историю.

Наутро, когда мы с Абрамовым еще спали, Антонин сбегал на озеро и притаился.

выдался на славу.

— Да ты опытный браконьер, Антонин, — ворчал Абрамов, с удовольствием самодельную коптильню, сооруженную Чистяковым возле избы.

Я принялся готовить уху.

День тот выдался теплым, солнечным, как и все дни нашего путешествия. Пролился проливной «грибной» дождь. Травяная лужайка возле антониновской хрустально-зеленую лужу. После ухи Федор Александрович, закатав брюки до колен, в рубашке навыпуск бродил по луже прихрамывая и блаженно ухал. Антонин копил заросшие грядки.

Наступала пора прощаться. Уезжать не хотелось, но дни, которые удалось провести в поездке, кончились. На завтра Абрамов и Чистяков продолжат свое путешествие без меня.

— То само, Борис, спасибо, что покатали, — гудел Федор Александрович, пожимая плечами, — ты мне понравился. Уху хорошую варишь, крошку, машину водишь, прическа твоя вызывает у меня доверие...

Разве можно было предположить тогда, что в недалеком будущем получу от него по почте надпись: «...в память о поездке с бедным Антонином». В холодный осенний день дождливо встретило нас, разыгралась трагедия. Антонин Чистяков исчезнет, а лодка перевернутой кверху дном. На киле лодки будет лежать его кепка и записная книжка рыбаков. Когда нет уже сил держаться в ледяной воде, но сохранил сам себя, примету. Чтобы знали, где погиб. Тело Чистякова будет обнаружено только через несколько месяцев после его исчезновения.

Уже после смерти и самого Федора Александровича Абрамова узнал я случайно от Анны Ивановны, что в те трудные дни их семье помог материально Федор Абрамов своими сбережениями деньги для малолетних детей Чистякова.

15

В записной книжке, которую я вел во время поездки по Новгородчине с Абрамовым, накопилось немало абрамовских словечек, высказываний, фраз, которые чем-то интересными. В этой главе хочу представить некоторые фразы, услышанные от Федора Александровича Абрамова. Думается, что и эти крохотные «штрихи к портрету» помогут раскрыть образ этого человека.

«В народе — разноцветные камушки, из них писателю надо воздвигнуть крашенинскую башню».

«Северяне — народ светлюбивый».

«Теперь бюрократ не тот... Теперь бюрократ маскируется, боится прослыть».

В коровнике. «Кабинеты для начальства, а коровы стиснуты».

«Искренне берут беды на свои плечи».

На кладбище (о могильных оградах). «Безликие люди, один выдумал, ему под»

«Как живет Россия, в чем ее боль и беды?»

«...Идея усвоения опыта народного, а то изобретаем велосипед».

«Травный редкостью — свежо сказано. А то привыкли: разнотравье».

«Пока человек не будет на земле творцом...»

«Раз мне выпало счастье остаться живым, я должен работать и за себя, и

«Я люблю простор из окна и чтобы без кустов. У нас на севере говорят: пуст».

«Писатель должен подниматься над моралью холопства и чиновничества».

«Самое важное — люди, с которыми ты беседовал».

«У меня сердце болью прострелено за старух».

«С асфальта России не увидишь».